

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Семантика частицы «просто» в русской поэзии конца XVII- первой
трети XIX в.

Исполнитель Таджибаев Нуриягды Амангелдиевич

(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат филологических наук

(ученая степень, ученое звание)

Юсупова Дильбаржон Джумаевна

(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующий кафедрой

(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент

(ученая степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна

(фамилия, имя, отчество)

 2025 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	5
1.1. Учение о частицах в русской лингвистике	5
1.2. Семантика и функции частиц в русском языке	8
1.3. Омокомплекс слова «просто» в русском языке	14
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТИЦЫ «ПРОСТО» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА VII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. 21	
2.1. Слово «просто» в русской поэзии к. XVII – н. XVIII в.	21
2.2. Частица «просто» в русской поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX вв.	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	34
БИБЛИОГРАФИЯ.....	35

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время частицы как часть речи являются объектом исследования во многих научных работах. Существуют различные мнения об их месте в системе служебных слов.

Данная тема отражена в работах таких исследователей, как: Р. И. Аванесов, Ф. И. Буслаев, Л. Л. Буланин, В. В. Виноградов, Н. И. Греч, Е. М. Галкина-Федорук, А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова, П. А. Лекант, Т. М. Николаева, и многих других.

На данный момент в лингвистике представлено недостаточное количество работ, посвящённых отдельным частицам, многие из них до сих пор остаются неизученными. Поэтому в настоящее время усилился интерес к исследованию отдельных, конкретных частиц как представителей рассматриваемой части речи. Одной из таких частиц является частица *просто*.

Об **актуальности** выпускной квалификационной работы свидетельствует тот факт, что рассматриваемая частица широко используется в русской поэзии. Кроме того, она представляет интерес с точки зрения образования, структуры и семантического потенциала. Изучение отдельных частиц способствует более глубокому лексикографическому описанию языка в целом.

Цель исследования – дать семантико-функциональную характеристику частицы *просто* в современном русском языке.

Данная цель предполагает решение следующих задач:

- выявить особенности употребления *просто*;
- рассмотреть семантические особенности частицы *просто*;
- определить стилистические особенности частицы что ни на есть;
- проанализировать и описать особенности функционирования частицы *просто* в русской поэзии.

Объектом исследования является частица *просто* в русской поэзии.

Предмет исследования составляет семантико-функциональная характеристика частицы *просто* в русской поэзии.

Материалом для исследования послужили тексты Национального корпуса русского языка: произведения русской классической и современной литературы таких авторов, как:

Кроме того, были использованы некоторые другие тексты, не зафиксированные в корпусе. Наша картотека насчитывает контекстов, включающих частицу *просто*.

Перечень методов исследования включает:

- наблюдение над языковыми фактами;
- метод анализа словарных дефиниций;
- описательный метод;

Научная новизна выпускной квалификационной работы определяется тем, что частица *просто* ни на что не имеет впервые подвергнута комплексному рассмотрению. В работе выявлены и последовательно описаны структурные, семантические и стилистические особенности частицы. Кроме того, произведён анализ лексикографического описания данной языковой единицы, рассмотрены особенности её функционирования.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при изучении других представителей класса частиц.

Практическая значимость работы состоит в том, что её материалы могут быть полезны на факультативных занятиях по русскому языку для учащихся средних классов при изучении служебных частей речи, в частности частиц, а также для учащихся старших классов для расширения лингвистического кругозора и повышения интереса к предмету.

Структура выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЧАСТИЦ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Учение о частицах в русской лингвистике

Происхождение термина «частица» напрямую связано с латинским «*particula*», восходящим к «*partis*» (часть). Хотя М. В. Ломоносов упомянул этот термин в своей «Российской Грамматике», он еще не рассматривал частицы как самостоятельную часть речи и не давал им четкого определения. Ломоносов причислял элементы типа *не* и *ли* к частицам, тогда как *даже* или *вот* он включал в разряд наречий [17, с.90].

Иной подход продемонстрировал Н. И. Греч в «Практической Русской Грамматике». Он трактовал частицы как «придаточные корни», существующие в языке как отдельные слова (например, *от*, *при*, *без*). Фактически, Греч объединял под этим термином все служебные части речи: предлоги, союзы и т.д. При этом он выделял особую подгруппу внутри наречий — «частицы присловные» (такие как *ко*, *то*, *от*), которые не вписывались ни в предлоги, ни в союзы [11, с.87].

А. Х. Востоков также не выделял частицы в отдельный класс, распределяя их по другим категориям. Наречиями он считал слова вроде *только*, *только*, *не*, *ни*, *неужели*, видя в них определители действия или состояния. К союзам он отнес *бы*, *дескать*, *ли*, *де*, *даже*. Междометиями же стали *да*, *нет*, *вон*, *вот*. Аналогичная классификация частиц представлена и в «Российской Грамматике» А. А. Барсова [8, с.56].

Значительный шаг вперед сделал А. Добиаш в труде «Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка». Анализируя частицы, он пришел к выводу о необходимости выделить их в самостоятельную часть речи, аргументируя это тем, что они образуют целостную и независимую языковую систему [13, с.88].

А. А. Шахматов стал одним из первоисследователей, обосновавших статус частицы как самостоятельной грамматической категории. В фундаментальном труде «Синтаксис русского языка» ученый выделяет систему частей речи, противопоставляя знаменательные (существительное, глагол, прилагательное, наречие) и служебные (предлог, союз, префикс, частица), а также междометия как эквиваленты слов. Шахматов определяет частицы как лексические единицы, выполняющие служебную функцию: они усиливают или модифицируют грамматические формы и предикаты, привнося формально-смысловые нюансы [28, с.67].

Иную трактовку предлагает И. И. Мещанинов, характеризуя частицу как служебный элемент, утративший автономную семантику. Его анализ подчеркивает ключевые свойства: способность занимать позицию перед или после слова (препозиция/постпозиция), сочетаемость не только с именами, но и с другими частями речи (вплоть до словосочетаний), а также функциональную двойственность — участие в синтаксическом оформлении и словообразовании [18, с.189].

Значительный прогресс в систематизации внес В. В. Виноградов («Русский язык. Грамматическое учение о слове»). Ученый строго дифференцирует понятия: «частицы речи» (собирательный термин для всех служебных и формальных слов) противопоставляются узкому классу «частиц». Последние, по Виноградову, лишены самостоятельного вещественного значения; их роль — выразить дополнительные смысловые оттенки (грамматические, логические, экспрессивные) на уровне слова, синтагмы или предложения.

Н. Ю. Шведова определяет частицы как неизменяемые служебные лексемы, лишённые номинативной функции. Согласно ее концепции, они выполняют многоуровневые задачи: формируют морфологические и синтаксические формы; передают субъективно-модальные оценки

содержания или его элементов; маркируют целевую установку высказывания (вопрос, отрицание, утверждение); описывают динамику действия/состояния (фазы протекания, завершенность, результативность) [30, с.278].

Р. И. Аванесов акцентирует модально-оценочную роль частиц, трактуя их как несамостоятельные элементы, выражающие отношение говорящего к содержанию предложения [1, с.268].

В современной русистике частицы рассматриваются как ключевой инструмент релятивизации сообщения – указания на его связь с объективной реальностью.

Современная лингвистическая традиция определяет частицы через совокупность признаков: принадлежность к неизменяемым служебным словам; полифункциональность: формообразование (слово и предложение); конструирование модальных планов высказывания (условность, побуждение, желательность); выражение широкого спектра оценок (отношение говорящего к предмету речи); формирование коммуникативной интенции (вопрос, восклицание, отрицание); характеристика темпорально-аспектуальных и результативных параметров действия [9, с.244].

В. В. Виноградов предлагает диаметрально иную трактовку, характеризуя частицы как «семантический гибрид», занимающий пограничное положение между наречиями и модальными словами. В широкой интерпретации его концепции, этот класс включает предлоги и союзы, объединяемые отсутствием самостоятельной номинации [5, с.521].

Обобщая, большинство исследователей признает частицы уникальной служебной категорией, передающей смысловые, модальные и экспрессивные нюансы на уровне слова и высказывания, а также участвующей в формообразовании.

Ключевая исследовательская проблема – точная идентификация семантических приращений, вносимых частицей в значение слова. Эта смысловая неуловимость создает основные практические сложности в их использовании.

1.2. Семантика и функции частиц в русском языке

Исследование частиц сохраняет свою актуальность в современной лингвистике. Для уточнения их функциональных особенностей стоит вновь обратиться к четырехаспектной концепции Т. М. Николаевой:

Во-первых, частицы трактуются как морфологически противопоставленные элементы полнозначным частям речи — позиция, разделяемая В. В. Виноградовым. Во-вторых, эти неизменяемые единицы (характеризуемые как «не-слова») присоединяются к знаменательным словам, формируя грамматические конструкции, функционально эквивалентные формам без частиц (например: *-то, бы, -ка, -либо, -нибудь* в современном русском). В-третьих, в диахроническом аспекте термин «частица» соотносится с коннектором (англ. *connect* — «связывать») — элементом, открывающим предложение. Хотя сегодня подобные единицы классифицируются как союзы, их потенциальная эволюция в формообразующие демонстрирует связь со вторым аспектом. Наконец, частицы выступают как носители прагматических значений (к этой группе относят *даже, же, вот, еще, только*) [25].

Указанные аспекты объединяет ключевой признак — морфологическая неизменяемость. При этом разграничение с другими категориями (союзы, наречия, местоимения) остаётся сложной задачей для современной русистики [25].

Функциональная роль частиц в тексте представляет значительный исследовательский интерес. Ключевые аспекты их функционирования включают:

- 1) реализация морфологических и синтаксических форм, выражающих модальные значения (побуждение, условность, желательность, сослагательность);
- 2) выражение оценочных характеристик и модальных оттенков всего сообщения или его отдельных компонентов;
- 3) формирование целевой установки высказывания (вопросительность, утверждение, отрицание);
- 4) определение параметров действия или состояния (динамика протекания во времени, степень завершенности, результативность / нерезультативность).

Указанные функции объединяются в рамках общей прагматики сообщения. Их системообразующим признаком выступает выражение разноуровневых отношений: отношения описываемого действия/состояния к действительности; отношения говорящего к содержанию высказывания.

Следовательно, семантическое ядро частицы как самостоятельной лексемы заключается именно в том отношении, которое она актуализирует в предложении [13].

Н. Ю. Шведова систематизирует частицы по функциональному признаку, выделяя шесть ключевых разрядов:

- 1) Формообразующие. формируют новые грамматические формы слов (например: *-те, бы, пусть, давай, чтобы*).
- 2) Отрицательные включают две единицы: *не* (выражает частное/общее отрицание) и *ни* (указывает на абсолютное отсутствие, категоричность отрицания; может усиливать или перечислять).;
- 3) Вопросительные передают вопросительную интенцию с вариативной модальной окраской (*ли, а, неужели, не...ли, разве, что за, что ли, как*).
- 4) Характеризуют действие/состояние по: темпоральному протеканию, степени завершенности, достижению результата (*было, бывало, чуть не, едва не, так и, мало не*).

- 5) Модальные эксплицируют субъективное отношение к сообщаемому: эмоционально-оценочные – реакции говорящего (*а, да, еще, же, ведь, вон, ну, ли, уж*); волеизъявительные – побуждение/просьба (*дай, давай, сём*); статусные – завершённость, соответствие ожиданиям, уникальность (*вот и, да, дескать, исключительно, единственно*);
- б) Частицы осуществляют утверждение/отрицание в диалогической речи (*да, нет, так, есть, точно, никак нет, ладно*) [33].

Согласно классификации Н. Ю. Шведовой, частицы разделяются на две фундаментальные группы по происхождению. Первообразные представляют собой структурно простейшие единицы, лишённые формальных связей с иными лексико-грамматическими классами. К этой категории причисляют частицы *бы, да, дескать, де, же, не, небось, ни, неужели, ну, уж, таки*. Все прочие частицы относятся к **непервообразным* [33].

Дополнительно Шведова дифференцирует частицы по морфологической структуре. Простые включают единицы, состоящие из одного слова. Составные же формируются из двух и более компонентов, сочетая частицы с другими частицами, союзами или предлогами [33].

Составные частицы демонстрируют различное синтаксическое поведение: нерасчленяемые функционируют как целостные блоки (*без того, было б, еще бы, если бы, и так, и то, как так, отнюдь не*), тогда как расчленяемые допускают разделение элементов в предложении (*вот бы, едва не, как бы не, лишь бы, пусть бы, только бы*) [33].

Важно подчеркнуть, что к простым частицам принадлежат не только все первообразные, но и единицы, сохраняющие живые связи с другими частями речи: элементы с наречными значениями (*буквально, вовсе, действительно, окончательно*); единицы с местоименными корнями (*все, оно, самое, себе, тебе*); частицы с союзной семантикой (*а, да, даже, если, же, чтобы, хоть*); формы с глагольным происхождением (*бывает, давай(те), было, смотри, знай*) [33].

В современном русском языке общепризнанной является классификация частиц Виктора Владимировича Виноградова. Он выделяет восемь основных разрядов частиц:

1) Усилительно-ограничительные или выделительные.

Частицы данной группы ставятся непосредственно перед словом или выражением, которое должны усиливать, а также непосредственно после него. Кроме того, могут относиться ко всему предложению в целом. К этой группе Виноградов относит *ведь, решительно, окончательно, даже, и, еще, да*.

2) Присоединительные.

Группа частиц союзного типа, которая устанавливает соотношения между элементами речи, синтаксически разъединенными. Это частицы *тоже, также, и то, притом, а также* сюда можно отнести и некоторые усилительно ограничительные частицы, например, *и, еще, да*.

3) Определительные.

Группа частиц, смежная с выделительными. Служат для определения или уточнения того или иного слова, обозначения той или иной характеристики: *подлинно, именно, как раз, точь-в-точь*.

4) Указательные.

Очень близки к определительным частицам. Служат для указания на различные предметы, явления внешнего мира, а также для связывания и указательного подчеркивания слов. Включают: *вот, вон, это, оно, во*.

5) Неопределенные.

Данная группа частиц придает значение неопределенности словам, к которым они примыкают. Некоторые морфемы (*-то, -либо, -нибудь*) присоединяются к местоименным вопросительно-указательным словам, а также в эту группу входит префиксальная частица *кое-*.

6) Количественные.

Частицы, которые передают значение количества, однако они еще не обособились от наречий, образуя гибридные типы слов (частица-

наречие). Таковы, например, *приблизительно, почти, ровно, чуть не и так далее*.

7) Отрицательные.

В русском языке выделяются две отрицательные частицы – *не* и *ни*. Более того, данные частицы могут присоединяться к другим словам, образуя новые отрицательные составные частицы.

8) Модально-приглагольные.

Эта группа частиц выражает различные оттенки глагольной модальности, иными словами, эти частицы передают значения возможности, желательности, условности, повелительности, решительности, воли. Сюда входят: *бы, хоть бы, лишь бы, пусть, пускай, -ка, да* [8].

В учебном пособии «Современный русский литературный язык» А. Н. Гвоздев классифицирует частицы на основании их синтаксических функций и семантики. Первую группу составляют единицы, относящиеся ко всему высказыванию и выражающие модальные отношения: отрицание, вопрос, восклицание или оценку чужой речи. Вторая группа включает частицы, связанные с отдельным словом, среди которых выделяются указательные, усилительные, количественные, выделительные и ограничительные [11].

Таким образом, частицы представляют собой лексико-грамматически неоднородную категорию, где различия между разрядами значительнее, чем между самостоятельными частями речи. Они занимают периферийное положение в системе служебных слов, сближаясь при этом с полнозначными единицами.

Частица *просто* функционирует в двух семантических вариантах (*просто*₁ — 63% случаев, *просто*₂ — 37%). Словарные дефиниции трактуют *просто*₁ как ограничительную частицу, синонимичную *всего лишь, только, лишь*. Лингвистические интерпретации данного значения варьируются: одни исследователи акцентируют сему «элементарности»; другие отмечают эффект «минимизации» («Путеводитель...»); третьи (А.Ю. Чернышева) определяют её роль как маркера элементарности ситуации.

Наиболее релевантным представляется определение Е.А. Стародумцевой (1996), характеризующей значение как «несущественный, ординарный признак на фоне маркированных». Исследователь вычленяет два компонента:

- 1) Семантический (существование ряда признаков/ситуаций);
- 2) Прагматический (субъективная оценка признака как простого и незначительного) [Стародумцева, 1996, с. 327].

Частица просто 1 сигнализирует об ординарности — заурядности маркируемой ею ситуации, аккумулируя скрытую семантику. Прагматически она указывает на то, что данное свойство уступает в сложности ситуациям, обозначенным в предшествующем контексте, с позиции оценивающего субъекта. Например:

Перед сном он долго стоял в буфете на коленях у образа с неугасимой лампадой, - я видел его сквозь глазок двери, похожий на червонного туза, но мне не удалось видеть, как молится буфетчик: он просто стоял и смотрел на икону и лампаду, вздыхая, поглаживая бороду (М. Горький. В людях).

Частица просто 2 сочетается с частицей ну, тогда усилительное значение первой становится наиболее выразительным:

Лукошин только пожал плечами: Фокин ну просто читал его мысли (Ф. Абрамов. Пряслины).

Просто 2 служит средством, которое дополнительно выделяет рему, усиливая ее коммуникативную значимость:

А Осянина // просто бегом, примчалась - винтовка в руке (Б. Васильев. А зори здесь тихие...).

В отличие от просто 1, которая является носителем определенных отношений, просто 2 способна лишь усилить проявление следующих отношений:

- 1) высокую степень проявления признака, причем, наиболее ярко это представлено в сложноподчиненных предложениях, которые построены по схеме «так - что», «такой - что», «настолько - что»:

Видно, музыка настолько захлестывала учительницу, что она, кроме нот и клавиш, ничего другого просто не замечала (Э. Успенский. Колобок идет по следу).

- 2) отношения причины: исследуемая частица акцентирует внимание на ее категоричности, безапелляционности:

В Московском университете, где он надеялся, сдав магистерские экзамены, получить кафедру философии, его не опустили к испытаниям: их, как объяснил ему декан, просто некому было принять (Г. Винникова. Тургенев и Россия).

- 3) отношения следствия: неоспоримость оценки предопределяется условием или причиной, указание на которые содержится, как правило, в препозитивном придаточном предложении:

Если бы не было этой лжи, дела против моей семьи просто не существовало бы (Из газеты «Комсомольская правда»).

1.3. Омокомплекс слова «просто» в русском языке

Настоящий параграф анализирует семантическую структуру лексемы *просто*, определяет ее статус в системе частей речи и исследует лингвистическую природу соответствующего омокомплекса.

Исследование подтверждает, что данный омокомплекс объединяет: три лексемы знаменательных классов (прилагательное, предикатив, наречие), одну служебную единицу (частицу), демонстрируя необходимость разграничения синхронных и диахронных переходных процессов.

Краткая форма прилагательного среднего рода *просто I* выражает признаковую характеристику объекта речи/мысли, функционируя как сказуемое в двусоставных конструкциях. Примечательно, что его сочетание с субстантивным подлежащим представляет нестандартную синтаксическую модель.

Слово, сказанное им на прощание, было просто, но точно выражало смятение, которое оба они в этот момент испытывали. (А. Ромов. В чужих не стрелять);

О, как просто и весело было наше время! (И. Тургенев. Дворянское гнездо).

Часто названное имя прилагательное сочетается с местоимениями *всё*, *это*: *Не понадобилось бы никакого автобуса, никаких лишних выносов (с шестого этажа по по узким лестницам), всё. просто и естественно, без дополнительных хлопот и задач. (В. Солоухин. Похороны Степаниды Ивановны).*

Просто 2 функционирует как ядерный компонент безличных конструкций либо предикатив при инфинитивном субъекте, выражая личностно-ориентированные или нейтральные состояния.

Рядом с ней ему было уютно, спокойно и просто. (В. Распутин. Уроки французского);

С Григорием просто, как с бабушкой, но жутко, и кажется, что он из-под очков видит всё. (М. Горький. Детство).

Категориальное значение предикатива *просто* актуализируется в сочетаниях со словами, которые не просто реализуют его валентностные свойства, но и формируют структуру типичных безличных конструкций, выступая обязательными распространителями. В частности, при выражении психических/физических состояний *просто* неразрывно связано с дативом субъекта и факультативно – с обстоятельствами соматической локации (*на душе, на сердце*).

На сердце у меня легко и просто. (В. Панова. Спутники).

При выражении состояния среды и обстановки *просто* сочетается с обстоятельством места:

- Аида со мной! В Сибири, брат, грамотному очень просто, там грамота - козырь. (М. Горький. Мои университеты).

Просто 3 - наречие, является обстоятельством образа действия. Функционируя в качестве наречия, данная лексема способна, во-первых, характеризовать названное глаголом действие:

Я научилась просто, мудро жить. Смотреть на небо и молиться Богу... (А. Ахматова. Я научилась просто, мудро жить...);

Всё случилось так чудовищно скоро и просто, что смахивало скорей на сон. (В. Шукшин. Волки);

Только ты и способен на такой настоящий русский героизм, выраженный просто, скромно, без лишних слов. (А. Куприн. Яма);

Сквозь занавеси и сеть цветов я видел, как по комнатам двигаются стройные фигуры офицеров, катается крупный майор, плавает она, одетая удивительно просто и красиво. (М. Горький. В людях);

во-вторых, при сочетании с глагольными фразеологизмами (*вести себя, почувствовать себя*) наречие *просто* утрачивает способность характеризовать действие, реализуясь исключительно в предикативной функции. Данные фразеологические единицы выполняют роль синтаксического медиатора, опосредуя связь между подлежащим и наречием посредством предикации:

Но они раз, другой взглянули, улыбнулись и сразу почувствовали себя непринужденно и просто, как прежде... (Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных);

- Привет, друзья! - объявил он с порога, и очень понравился Дёмке, так просто держал себя и смотрел искренно. — Куда мне? (А. Солженицын. Раковый корпус).

Категориальная дивергенция между прилагательным/наречием *просто* (выражающими качественный признак) и предикативом *просто* (обозначающим состояние) детерминирует их дифференциальную сочетаемость. Прилагательное и наречие демонстрируют пассивную валентность, тогда как СКС (*просто*) проявляет активную сочетаемость. Функциональные омонимы с основой *прост-* способны выражать позицию

говорящего, что унаследовано от семантики исходного прилагательного. Как отмечает И.В. Высоцкая, его уникальность заключается в диаметральной оценочности: «в зависимости от аксиологической позиции говорящего оно реализует позитивную или негативную коннотацию».

Наиболее релевантным для передачи субъективно-модальных смыслов выступает частица *просто* 4.

Демаркация наречия и частицы требует применения строгих критериев. Наречие кодирует качественно-количественные и обстоятельственные отношения, частица же специализируется на модально-оценочных значениях. Частица индифферентна к синтаксической природе актантов, сочетаясь как с членами предложения, так и с предикативной основой целиком. Наречие же избирательно адсорбируется глаголами, прилагательными, другими наречиями и реже – субстантивными формами. Виноградов В.В. указывает на существование обстоятельственных наречий, способных модифицировать как отдельные компоненты, так и целое высказывание. Ключевым дифференцирующим фактором выступает семантика, а не синтаксическая зависимость. Наречное *просто* передает не обстоятельственные, а качественно-определяющие отношения, характеризуя параметры действий/состояний, что допускает использование синтаксического критерия для его идентификации.

Лексикографическая традиция объединяет наречие и частицу *просто* в одной статье, признавая между ними не только формальные, но и семантические корреляции. Подобная трактовка интерпретирует связь полнозначной и служебной единиц как полисемические отношения.

Дихронический переход от полнозначного наречия к служебной частице следует считать завершенным: *просто*₄ представляет не функциональный вариант исходной леммы, а омонимичную единицу,

претерпевшую системные трансформации – утрату адвербиальных свойств и приобретение категориальных черт частиц.

Функционируя в качестве частицы, слово просто передает следующие смысловые отношения:

а) выделительно-ограничительные:

Никаких предисловий, деловитость человека, привыкшего быстро решать,

а не просто беседовать. (Д. Гранин. Запретная слава);

б) усилительное:

Одесса надоела невыразимо, тоска просто пожирает меня. (И. Бунин. Окаянные дни).

Слово *просто* выражает разнообразные модальные значения (уверенность, оценку, достоверность фактов):

Ты же знаешь, как нам было хорошо, когда мы были просто вместе. (Э. Бурмакин. Дверь);

Это, просто сказать, жок — народ. (М. Горький. По Руси).

Анализируя этимологию модальных частиц, В.В. Виноградов классифицировал лексему *просто* в группу, генетически восходящую к наречиям и обнаруживающую функциональную близость как к наречным формам, так и к союзам.

Синтаксическое поведение частицы *просто* в разнообразных конструкциях подтверждает ее двойственную природу: функционируя как коннектор, она сохраняет категориальные свойства частицы, что проявляется в следующих аспектах:

- 1) Слово *просто* выполняет демаркационную функцию, открывая полипредикативные конструкции или синсемантические высказывания в рамках сложного синтаксического единства, маркируя их структурную целостность. Например:

*Сердиться на него было невозможно: бесхарактерность, слабая воля...
Просто он был жалок.* (В. Солоухин. Продолжение времени);

*Даже и не разглядишь, что это пыль, просто лист пойдет бурными
пятнами, делается как будто грязным.* (В. Солоухин. Созерцание чуда).

- 2) Частица *просто* демонстрирует парадигматическую соотносимость с союзами-синонимами, разделяя их категориальное значение. Это обеспечивает структурно-семантическую инвариантность конструкции при их взаимозамене.:

Если бы мне было выгодно жаловаться моей судьбе, что я несчастный, я бы сделал это. Просто мне это не нужно. (Из журнала «Сельская новь») // слово *просто* синонимично союзу *но*.

Земледельцы не могут закончить уборочную страду. Просто дождь мешают им это сделать. (Из газеты «Известия»);

Севастьянов встал раньше всех не из чувствительных побуждений, просто он не любил суеты и сутолоки, которые бывают перед приездом в большой город. (В. Панова. Сентиментальный роман) // слово *просто* синонимично *а потому что*.

- 4) Данная лексема, вступая в сочетание с другими словами, образует с ними такое соединение, разрушение которого приводит к утрате значения целого предложения, потому что лексема становится элементом составного союза или союзного соединения. Например:

Вот тут-то и пришло кому-то в голову стереть Зарядье с лица Москвы, причём стереть невозстановимо, не просто до пустого места, но поставить тут огромное современное здание. (В. Солоухин. Продолжение времени);

Тут я узнал, что плач над покойной не просто есть плач, а своего рода политика. (А. Солженицын. Матренин двор).

Даже при реализации союзных функций частица *просто* сохраняет свою категориальную семантику, поскольку границы между этими служебными классами в зоне их взаимодействия диффузны. Подобное

совмещение функций в одной лексеме отражает процесс диахронического преобразования частиц и союзов – феномен функциональной гибридности. Однако контаминация значений проявляется исключительно в промежуточной зоне их переходности.

Лексема *просто* способна реализовываться как: полнозначное прилагательное (краткая форма), наречие, предикатив (категория состояния), служебная частица, союз в зависимости от коммуникативного контекста.

Ее частеречная принадлежность определяется триединством факторов: семантикой, морфологическими свойствами и синтаксической позицией.

Иллюстрация адъективного статуса: рассмотрим функционирование *просто* как прилагательного в следующем контексте:

Его сообщение просто и лаконично. Исследуемое слово отвечает на вопрос:

сообщение (каково?)

Исходной единицей для данной лексемы служит качественное прилагательное «*простой*», выражающее непосредственную характеристику объекта. Оно формирует краткие формы с флективными показателями рода и числа:

вывод прост;

мысль проста;

изложение фактов просто;

задачи просты.

Категория состояния выражает оценку ситуации, которая не является сложной или трудной для человека. По грамматической форме это слово совпадает с однокоренным наречием с суффиксом *-о*, но в отличие от него употребляется в качестве сказуемого в безличном предложении, где нет и не может быть подлежащего.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТИЦЫ «ПРОСТО» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА VII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.

2.1. Слово «просто» в русской поэзии к. XVII – н. XVIII в.

Русская литература данного периода характеризуется рядом особенностей. Исследователь А.А. Кирпичникова отмечает, что «одной из наиболее значимых переходных эпох в истории русской культуры в Новое время по праву считается первая половина XVIII в. Для русской литературы указанного периода характерно переплетение черт позднего барокко и развивающегося классицизма.» [36, с. 108-114]. И. Серман отмечает, что до сих пор актуален вопрос «когда на Руси появилась поэзия авторская, поэзия индивидуального авторского почина, и начала вытеснять фольклор (эпос и песню) из обихода горожан? Ответа на этот вопрос, интересный не только для историков литературы, но и для каждого серьезного любителя поэзии, – ответа обоснованного и достаточно убедительного, – у нашей науки до сих пор еще нет. А потому даже читатель, любящий русскую поэзию и собирающий самые, казалось бы, «трудные» для восприятия выпуски «Библиотеки поэта», настолько смутно представляет себе поэзию до Кантемира и Тредиаковского, что готов вместе с Сумароковым предположить, будто бы до Петра I на Руси царил «мрак невежества» и никакой поэзии вообще не было.» [62, с. 213-215].

Среди ярких поэтов данного периода времени можно указать:

- Симеон Полоцкий (1629-1680)
- Феофан Прокопович (1681-1681)
- Семен Шаховской
- Петр Буслаев

Также к этому периоду относится творчество поэтов Старообрядческого монастыря на реке Выге (Олонецкая губерния), основанного около 1695 года, в течение полутора веков — до уничтожения в 1855 году — он был духовным центром поморского беспоповского толка. Уже при Петре I, который указом от 7 сентября 1705 года предоставил

выговцам право самоуправления (старообрядцы платили казне двойную подать), Выговское общежительство представляло собою крупную хозяйственную силу. Оно вело хлебную торговлю, занималось рыбным промыслом на Белом море. В 1706 году в 20 верстах от Выга, на речке Лексе, была устроена женская пустынь. Выголексинские старообрядцы завели школы, собрали богатейшую библиотеку, устроили книгописную мастерскую, которая обслуживала весь раскольничий Север. Здесь появились свои писатели, оставившие сотни проповедей, полемических трактатов, исторических сочинений, посланий. Особенно плодовитыми были братья Андрей (1674— 1730) и Семен (1682— 1741) Денисовы Вторушины-Мышецкие. Старший, вместе с известным старообрядческим деятелем Даниилом Викулиным основавший Выговский монастырь и руководивший им до самой смерти, инкогнито слушал богословие, риторику, логику, поэтику в Киеве, может быть у Феофана Прокоповича; он написал более сотни сочинений. Братья составили знаменитые «Поморские ответы» — ценный источник сведений по истории и идеологии старообрядчества. Среди произведений Семена Денисова — «Виноград российский» (собрание биографий раскольников, пострадавших «благочестия ради»), «История об отцах и страдальцах соловецких», посвященная осаде монастыря царскими войсками в 1660-х годах [61, с. 44]. Сохранились произведения монахов данного монастыря, стихи вошли в сборник «Русская силлабическая поэзия».

Рассмотрим особенности применения слова «просто» в стихотворных произведениях данного периода. В рамках темы данной работы было исследовано применение слова *просто* в роли частицы.

В ходе исследования было обнаружено, что данное слово практически не используется в произведениях данного периода. Рассмотрим примеры, где данная частица все же используется авторами.

Семен Шаховской в «Послании князя С.И. Шаховского князю Д.М. Пожарскому» [61, с. 50].

Тем укупаю себе живота от того тления смертного,

*Не хитро и не славно осудити и погубити мужа безответнаго.
А не имею милующаго ни ущедряющаго отнюд никого,
Мню же, яко всякому злато и серебро милее бывает всего,
Или рещи: немилосердие и презорство всех обдержит,
Отнюд просто рещи: чюжся беда и напасть никому не болит.
<...>*

*Паки здравствуй, государь, о всещедром Христе,
И побеждай враги цареви о пречестнем его кресте,
Еже бо тем бывает на них победа и одоление,
И некли услышит господь наше к нему моление,
И чтоб вам, государем, дал бог на них, супостат наших, победу,
Отнюд просто рещи, не осталось бы их в земли нашей следу*

В данном произведении частица *просто* используется два раза, что является огромной редкостью. В обоих случаях она применяется для усиления мысли автора, который в произведении дает советы по нормам поведения и общения, призывая держаться скромно.

В стихотворении Петра Буслаева «Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марии Яковлевны Строгоновой», написанном в форме псалма с пронумерованными стихами, также используется слово *просто*:

*Воинские ж брони крепость означали веры,
Крила несли до бога верьх эмпирейской сферы.
Сию Мария в бога имела всечасно, Сия с дерзновением возопила гласно:
«О боже! Аз с душею сею обитала,
Не просто жила, но с ней всегда работала [61, с. 295].*

В данном произведении автор использует слово «просто» как частицу, но по контексту подходит также значение наречия. Это связано с тем, что орфографические нормы указанного периода могли допускать раздельное написание наречия *непросто*. И при этом, несмотря на то, что в данном

случае просто может быть как частицей, так и наречием, смысл от этого не меняется.

Рассмотрим пример применения слова просто в поэзии Выголексинских старообрядцев, сборник так и называется «Вирши». Слово просто используется в стихотворении №7 «Плача»:

*О, о, о, нам умиленным,
в горки слезы окропленным,
Сице ты, предрагу главу,
спущим просто в вечну славу,
Ни мало бо завещавши,
ах, ничто к кому вещавши,
О, нашего нещастья,
люто зело сердца с(ъ)яди а,
Ниже слов других получше,
ох, ни сладких очес случше,
Богу всетворцу изволишу,
так судьбами си сотворшу [61, с. 304].*

В поэзии старообрядцев в данном случае можно говорить о том, что частицы *просто* также используются как частица и как наречие. Как просто сохраняется лексическое значение данного слова, указывающее на стремление делать что-либо без лишнего напряжения.

Таким образом, можно говорить о том, что применение слова «*просто*» и как частицы, и как наречия, в поэзии данного периода не отличается частотой. Можно предположить, что это связано с тем, что данное слово - слишком простое и не всегда уместное в контексте высокого стиля общих тенденций стихосложения, литературоведения, литературных норм. В связи с этим оно используется крайне редко, особенно в поэзии.

2.2. Частица «просто» в русской поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

Конец XVIII века и начало XIX века исследователи характеризуют как расцвет литературного творчества в России.

The picture can't be displayed.

Возрождение поэзии XVIII века к новой жизни, — можно утверждать это — будет не бесплодно, потому что достаточно всмотреться в эту поэзию, достаточно преодолеть препятствие, поставляемое на первых порах устарелым, на современный слух даже несколько неповоротливым языком, чтобы понять ее жизнь и ее жизнеспособность» [26]. Появляется множество писателей и поэтов, которые посвящают свои произведения различным событиям, явлениям в обществе указанного периода. Для литературы данного периода характерны изменения литературных норм. Слог становится более гражданским, более простым и понятным для широкой аудитории. Это наиболее заметно от начала данного периода до его окончания. Обилие стихотворных произведений дает богатый материал для исследования. Исследование показывает гораздо большее количество применений частицы *просто* в поэтических произведениях.

Стихотворения отличаются многожанровостью, посвящены как правителям, великим людям прошлого и настоящего, так и чувствам и переживаниям, проблемам России и др. Рассмотрим примеры использования частицы *просто* поэтами второй половины XVIII – первой трети XIX вв.

В произведении В.К. Тредиаковского «Стихи, научающие добронравию человека» (1735 г.), используется слово *просто* как частица:

Дружен всем старайся быть, дружно поступая,

Тяжбы никогда ни с кем сам не зачиная.

Не проведывай никак, что чинят другие;

Просто крой дела твои, чтоб не знали злые [71].

Обращает на себя внимание, что жанр произведения обозначен в самом его заголовке. Стихотворение представляет собой нравоучение и содержит наставления, выраженные глаголами в повелительном наклонении. Как и в предыдущих примерах, слово *просто* может пониматься и как частица, и как

наречие. На преобладание значения частицы указывает контекст применения: автор советует не выделяться, быть честным, дружелюбным, в связи с чем слово просто выглядит достаточно органично. Как видно в данном примере, слог по сравнению с предыдущим периодом меняется, произведение становится более легким для восприятия.

Слово *просто* встречается и в поэме «Феоптия» (1754):

Басни нечестивы толь, да и невозможны;

Иль неистовствовать прямо в обществе боясь

И по-змейски хитро в мнениях своих таясь,

Утверждать, что бог хоть есть, но не промышляет

И создание свое просто оставляет [71].

Как видно, слово *просто* в данном случае может пониматься и как частица, и как наречие, в обоих случаях выражая значение «без сожаления, без раздумий и колебаний». Автор достаточно прямолинеен, в этом фрагменте он выражает сожаление по поводу непостоянства человеческой природы. Использование слова *просто* можно считать уместным и органичным.

Ода 1742 года «Императрице Елизавете Петровне в день ее коронавания» написана в классическом стиле предыдущего периода согласно канонам данного жанра: характерны патетичность — возвышенность, взволнованность речи; изображение великих исторических и государственных деятелей, значительных исторических событий; государственные, религиозные, философские темы. Жанровыми признаками оды являются возвышенная лексика, недопущение просторечий, территориально специфических слов, новых словечек. Это тексты высокого стиля, насыщенные мифологическими образами. Однако при этом автор нашел место для слова *просто*:

Тако ли, молчащ, покорюся

Просто сил моих недостатку?

Или тем и винен явлюся,

*Что трепещу, да не купадку
Похвал воспеть что-либ имею,
И, неискусен, онемею? [71].*

Можно говорить о том, что в данном случае применение слова *просто* достаточно уместно. Оно вплетено в общую канву повествования, грамматическое значение соответствует окружающему смыслу. В данном отрывке автор несколько принижено говорит о себе, умаляет свои достоинства и пребывает в сомнениях. В связи с этим слово *просто* является уместным.

Активно используется слово *просто* и в произведениях А.П. Сумарокова. Например, в стихотворении «О французском языке» (1771):

*Сама в российскую облекшись одежду.
Безмозглым кажется язык российский туп:
Похлебка ли вкусняй, или вкусняе суп?
Иль соус, просто сос, нам поливки вкусняе? [70].*

В данном произведении автор задается вопросом, в чем же прелесть французского языка, почему общество так им увлечено и покорено. В целом жанр можно охарактеризовать как эпиграмму (различие только в объеме). автор в данном фрагменте задает риторические вопросы, в смысл произведения вплетается частица *просто*. В данном случае она служит для усиления умозаключений автора.

Сумароков использует слово *просто* также в притче «Мартышка и кошка» (1787):

*Мартышка съ кошкою въ однихъ покояхъ жили,
И одному хозяину служили;
Да просто ни чево, хозяинъ, не клади;
Когда что стянуто, къ сосѣдямъ не ходи;
Мартышка все припрячетъ,
А кошка кушанье что ты ни ставь поѣсть;
Не сыщеть безъ замка отъ нихъ надежныхъ мѣсть [70].*

Произведение в жанре басни и притчи характеризуется соответствующими смыслами. Произведение написано в старой норме русского языка, что придает ей значение соотнесенности с прежним столетием. данный фрагмент представляет собой начало произведения, в котором описаны приключения мартышки и кошки, основанные на таких чертах их характера, как склонность к воровству вещей хозяина и способность хорошо их прятать. Частица *просто* используется для усиления смысловой нагрузки.

Также Сумароков использует частицу *просто* в произведении «Совет родительский». Это стихотворение также написано в дореформенном стиле:

Быль отрокъ, да была еще отроковица;

А просто молодець, да дѣвка, иль дѣвица.

Дѣтинка быль ей братъ, она ему сестрица;

Она была прекрасна, да тупа,

А по просту глупа;

А тотъ быль дурень, да не тупъ,

А по просту не глупъ[70].

Обращает на себя внимание то, что в данном фрагменте использовано не только слово *просто*, но и *попросту* (в отдельном написании), еще и дважды. Это указывает на стремление к семантическому усилению частицы *просто*. применение слова *просто* делает возможным жанр произведения и культурная составляющая. В данном фрагменте содержится начало истории; даются достаточно прямолинейные характеристики молодому поколению, в отношении их представителей используются такие определения, как глупа, туп, противопоставления красоты и ума, что свойственно отдельным представителям старшего поколения, считающего молодежь неспособной на умные поступки и суждения.

А.С. Пушкин в произведении «Добрый человек» (1814) также использует частицу *просто*:

Ты прав - несносен Фирс ученый,

Педант надутый и мудреный -

Он важно судит обо всем,

Всего он знает понемногу.

Люблю тебя, сосед Пахом, -

Ты просто глуп, и слава богу [70].

Как и в предыдущем примере, частица *просто* используется для усиления эпитета (достаточно оскорбительного). автор выступает в роли высказывающего мнение по поводу людей в своем окружении. Частица *просто* используется так, что семантически ставит итог, делает акцент на крайней степени признака.

В стихотворении А.Н. Майкова «В альбом гр. Е.П. Ростопчиной» (1859) также используется частица «просто»:

В данном случае можно говорить о том, что слово *просто* используется больше как наречие. Как и в предыдущих примерах, оно применяется для усиления смысла, однако, в отличие от предыдущих примеров, здесь слово *просто* используется в положительном смысле, для усиление привлекательных черт героини (таких, как хрупкость, нежность, вызывающие желание оберегать и защищать).

Также Майков использует слово *просто* в произведении «К мисс Мери». Стихотворение относится к жанру романса:

В данном случае слово *просто* также может быть понято как наречие в значении прически без излишеств и сложной укладки. То же значение применимо в использовании слова *просто* как частицы. Семантическая составляющая направлена в позитивную сторону.

Используется слово *просто* у Майкова и в стихотворении «Мариэтта» (1886):

Даже без контекста можно полагать, что *просто* здесь использована как частица. По смыслу она усиливает характеристику состояния главного героя. Значение можно определить как отрицательное.

Слово просто А. Майков также использует в стихотворении «Дурочка», написанном в жанре идиллии (1885):

The picture can't be displayed.

В произведении частица просто использована два раза, оба раза в качестве негативной характеристики для одного и того же человека. Автор считает возможным применение достаточно невозвышенного слова *просто* в жанре идиллии.

Используется частица просто и в стихотворении «Арлекин» (1854):

The picture can't be displayed.

Как и в предыдущем примере, частица просто применяется для усиления негативной характеристики. Уместно применение данного слова и в том, что Арлекин является персонажем комедии дель арте, его роль часто сопоставляют с ролью шута. Как бы то ни было, в отношении контекста Арлекина автор считал возможным применение частицы *просто*. А. Майков использует частицу просто и в жанре эпиграммы (середина 1850-х годов):

The picture can't be displayed.

Данное стихотворение представлено в полном виде и представляет собой некий совет читателю, с которым в данном случае автор разговаривает, как с другом. автор дает совет, как быстро завоевать расположение дамы. Можно также говорить об отрицательном смысле частицы *просто*, так как она направлена на усиление негативного оттенка (что достаточно рассмешить женщину, чтобы получить ее благосклонность) и при этом положительной семантике, так как рассмешить другого человека не является легкой задачей.

Используется частица просто и в произведении «Автоэпиграмма» (1888):

The picture can't be displayed.

В данном случае семантическое усиление с помощью частицы *просто* добавляется с помощью постановки тире, обозначающей паузу для придания большего веса данным словам.

В.В. Капнист использует частицу *просто* в пьесе «Ябеда» (1798):

*То ясно доказал он Прямикова Богдан
Присягой двадцати; соседственных дворян
Что Прямикова он родной сын и законный
Что Чужепродав майор. Совсем ему сторонний
И матери его был токмо просто: кум [34].*

Как и предыдущем примере, значение частицы *просто* усиливается знаком препинания (двоеточием), а также наречием *токмо*.

М.Н. Муравьев использовал частицу *просто* в произведении «Жеоне» (1810):

*Внимая вътровъ грозны споры,
Съ крутыхъ Балтійскихъ береговъ
Къ тебѣ я обращаю взоры,
Сестра, предметъ моихъ стиховъ,
Предметъ нѣжнѣйшаго союза,
Природы драгоцѣнный даръ!
Ты будь моя въ отсутствѣ Муза.
Явись, какъ легкій утромъ паръ,
Вносящийся отъ Невскихъ токовъ
Подъ сводъ небесной голубой,
И сладостныхъ своихъ уроковъ
Меня въ семь замкъ удостой,
Въ семь замкъ, или просто мызъ,
Межь Ревельскихъ и Нарвскихъ стѣнь,
Гдѣ я, послѣдуя Елизѣ,
Семьей почтенной угощенъ [48].*

В данном фрагменте также частица *просто* используется для усиления значения окружающих слов. несмотря на достаточно возвышенный стиль произведения, автор счел возможным применение частицы *просто*.

Г.Р. Державин, несмотря на обилие поэтических произведений, использует слово *просто* только в стихотворении «Кружка» (1777) [27]:

*Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!*

Это короткое стихотворение по семантике наполнено радостью жизни, вызванной социальным катализатором - применением спиртных напитков в веселой компании. Кружка здесь является символом такого рода отношений. Лирический герой данного произведения предпочитает погрузиться в данную атмосферу и показать читателю всю прелесть этого легкого и веселого мира. Частица *просто* здесь используется в самом конце, семантику применения можно назвать положительной.

У К.Н. Батюшкова слово *просто* встречается только в одном стихотворении - «Эпитафия» (1809):

*Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был и нет его! [7].*

В данном случае можно говорить о применении частицы *просто* с целью усиления негативного настроения, которое автор передает через стихотворения. Сам по себе жанр эпитафии в основном характеризуется как не самый веселый, за исключением шуточных эпитафий, которым также подходит описание как анекдот. В данном случае эпитафия имеет негативное

значение, которое помогает усилить применение частицы *просто* (синонимом может служить частица *лишь* – *лишь пишите здесь*).

Таким образом, можно говорить о том, что в русской поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX вв встречается значительно большее количество применений частицы *просто*. Это связано со стремительным развитием русской литературы, развитием жанров. Растет количество писателей и поэтов, издаются журналы для аудитории, повышается общий культурный уровень, растет количество литературных произведений. Слово *просто*, как видно по результатам рассмотрения данных стихотворений, прошло большой путь в поэзии. Применяемое «неохотно», оно, тем не менее, обладает сильными смысловыми характеристиками и способностью усиления любого стоящего рядом эпитета.

Выводы по главе 2

- 1) Для периода к. XVII – н. XVIII в. характерным является достаточно редкое применения слова *просто* и как наречия, и как частицы. Это может быть связано с особенностями стихосложения данного периода развития поэзии и выбора преимущественно возвышенной лексики для стихосложения.
- 2) Для периода второй половины XVIII – первой трети XIX вв. характерно более частое применение слова *просто*, преимущественно в значении частицы.
- 3) Обращает на себя внимание факт, что частица *просто* в поэзии указанного периода применяется в различных жанрах: как в возвышенных (одах), так и в других формах (застольная песня, эпиграмма и др).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает проведенный анализ примеров поэзии указанных периодов, существуют значительные различия в языке и стиле стихотворений. Русская поэзия 17 века характеризуется постепенным переходом от духовной литературы к светской, увеличением количества светских произведений, сохранением традиционных форм и одновременным появлением новых жанров, отражающих изменения в общественной жизни и мировоззрении. По-прежнему популярны жанры, характерные для данного периода: жития, псалмы, возвышенные оды, однако наблюдается развитие в сторону более светской поэзии и более лёгких жанров, которые получили свое развитие в 18 веке.

Слово просто в поэзии указанных периодов встречается с различной частотой. В произведениях конца 17 - начала 18 века, когда сохраняются литературные традиции в стихосложении и жанровой принадлежности поэтических текстов, слово просто используется крайне редко, в качестве как наречия, так и частицы. В поэзии второй половины XVIII – первой трети XIX вв., когда поэзия становится более светской, слово просто используется значительно чаще. Множество поэтов использует слово просто в качестве частицы для усиления какого-либо действия или характеристики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аванесов, Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1: Фонетика и морфология [Текст] / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – Москва: Учпедгиз; Ленинград: типография "Печатный двор", 1945. – 236 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
3. Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка //РЯШ, 1971, № 3. С.81-84.
4. Бабайцева В.В. Лексико-грамматические свойства слов со звуковым комплексом «хорошо» // ФН. Вопросы синтаксиса русского языка. - Тамбов, 1973. С. 113-128
5. Бабайцева В.В. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи) // Переходность и синкретизм в языке и речи: Межвузовский сб. научных трудов. М., 1991. С.3-14.170.
6. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. - М, 2000. 639 с.
7. Батюшков Константин Николаевич. Собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/b/batjushkow_k_n/ (дата обращения 4.05.2025)
8. Баудер А.Я. Какой частью речи является слово «просто»? // РЯШ, 1975, №6. с. 81-86.
9. Баудер Д.Я. Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка и смежные явления. М., 1988.
10. Бедняков А.С. Явления переходности грамматических категорий // РЯШ, 1971. С.26-34.
11. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 136 с.Л
12. Буланин Л.Н. Трудные случаи морфологии. М., 1976. 207 с.
13. Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
14. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике // М.:Наука,1975. — 321 с.

15. Виноградов В.В. О грамматической омонимии в современном русском языке//РЯШ, 1940, № 1.
16. Виноградов В.В. Об омонимии в русском литературном языке. Историко-филологические исследования // К 75-летию акад. Н.И. Конрада. М., 1967.
17. Виноградов, В. В. Русский язык [Текст]: (Граммат. учение о слове): учеб. пособие для студентов филол. специальностей ун-тов. / В. В. Виноградов; под ред. Г. А. Золотовой. – 2-е изд. – Москва: Высш. шк., 1972. – 613 с.
18. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная [Текст] / А. Х. Востоков. – 10-е изд., испр. – Санкт-Петербург: типография И. Глазунова, 1859. – 283 с.
19. Высоцкая И.В. «Штрихи» к «лингвистическому портрету» слова «просто» // Функционирование языковых единиц и грамматических категорий в разных типах и стилях речи. Уфа, 1997. Ч. 1.
20. Высоцкая И.В. Лексико-грамматическое описание омокомплекса просто // ФН, 1999, № 2, с.71-77.
21. Галкина-Федорук Е.М. К вопросу об омонимах в русском языке // РЯШ, 1954. №3
22. Гвоздев, А. Н. Современный русский литературный язык: Учебник для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов [Текст] / А. Н. Гвоздев. – 4-е изд. – Ч. 1. Фонетика и морфология. – Москва: Просвещение, 1973. – 432 с.
23. Грамматика русского языка / под ред. В. В.Виноградова. — М.:АН СССР,1960 — Т.1. — 667с.
24. Греч, Н. И. Практические уроки русской грамматики [Текст] / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург: Типография издателя, 1832. – 346 с.
25. Гужва, Ф. К. Морфология русского языка [Текст] / Ф. К. Гужва. – Киев: Радянська школа, 1987. – 223 с.

26. Гуковский Г. Русская поэзия XVIII века.- Л., Академия, 1929. – С. 5.
[Электронный ресурс] URL:
https://imwerden.de/pdf/gukovsky_russkaya_poeziya_18_veka_1927__ocr.pdf
(дата обращения 10.05.2025)
27. Державин Г.Р. Кружка // «СПб. вестник». – 1780. – № 9. – С. 203.
Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL:
http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/ (дата обращения 4.05.2025)
28. Добиаш, А. В. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка [Текст] / А. В. Добиаш. – Прага: тип. др. Э. Грегга, 1897. –544 с.
29. Еремин И.П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. Труды отдела древнерусской литературы. Т. VI. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948
30. Живов В.М.. Язык и культура в России XVIII в., М., Языки русской культуры, 1996
31. Каламова Н.А. К вопросу о переходности одной части речи в другую // РЯШ, 1961, №5. с.56-59.
32. Каламова Н.А. Переход наречий в служебные части речи. Львов, 1954.
33. Калечиц Е.П. Переходные явления в области частей речи. Свердловск, 1977. 79 с.
34. Капнист В. В.: Собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/k/kapnist_w_w/ (дата обращения 4.05.2025)
35. Ким О.М. Словообразовательный фактор омонимии краткого прилагательного, наречия и предикатива // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1980.175
36. Кирпичникова А.А. Переходный период в русской литературе рубежа XVII XVIII вв. : новые трактовки // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. - 2015. - №2. - С. 108-114.
37. Киселев И.А. Частицы в современных восточнославянских языках. - Минск, 1976. 159 с.

38. Колыханора Е.Б. О толковании функциональных омонимов в словарях русского языка // Явления переходности в грамматическом строе русского языка. М., 1988.
39. Кочинева О.К. Омонимия наречий со словами других частей речи // РЯШ, 1967, №6.
40. Крейндин Г.Е. Служебные слова в русском языке (семантический и синтаксический аспекты их изучения). М., 1979.176
41. Кружилина М.В. Всегда ли семантика наречий повторяет семантику прилагательных? // РЯШ, 1993, № 4.
42. Леденёв Ю.И. О конверсионной омонимии неполнозначных слов // Русский язык: Материалы и исследования. Ставрополь, 1969. Вып. 2.
43. Ломоносов, М. В. Российская грамматика Михаила Ломоносова [Текст] / М. В. Ломоносов. – Москва: Худож. лит., 1982. – 213 с.
44. Майков А. Н.: Собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/m/majkow_a_n/ (дата обращения 4.05.2025)
45. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М., 1975. 328 с..
46. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи [Текст] / И. И. Мещанинов. – Ленинград: Акад. наук СССР, 1945. – 322 с.
47. Мирович А. Основные функции частиц в современном русском языке // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. С.101-122.
48. Муравьев М. Н.: Собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/m/murawxew_m_n/ (дата обращения 4.05.2025)
49. Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 1985. 169 с.
50. Николаева, Т. М. Функции частиц в высказывании на материале славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева; под ред. В. Н. Топорова. – Москва: Наука, 1985. – 169 с.
51. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. 815 с.

52. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е. -М., 1995. 908 с.
53. Поэтика и стилистика русской литературы. Л., Наука, 1971.
54. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. - М., 1959. 717 с.
55. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / Авторы: А.Н. Баранов, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.В. Кодзасов. М., 1993. 207 с.
56. Ремнева М.Л. Русский литературный язык XVII в. М., 2017.
57. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. Наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 235 с.
58. Рогожникова Р.П. Служебные слова и принципы их лексикографического описания. -М., 1974. 25 с.
59. Русская грамматика. Изд. АН СССР. Т. 1-2. М., 1980.
60. Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., Художественная литература. 1990
61. Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII в.в. - Под ред.В.П. Андриановой-Перетц. Вступ. статья и примечания А.М. Панченко. - Л., Советский писатель, 1970. - С. 44.
62. Серман И. Русская поэзия XVII века / И. Серман // Вопросы литературы.-1971 - №8.-С. 213-215.
63. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 8. М., 1975. 319 с.
64. Словарь русского языка XVIII в. В. 8. Л., 1985. 247 с.
65. Словарь русского языка в 4 т. Т. 3. М., 1957. 964 с.
66. Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. Т. 11.- М.-Л., 1951.620 с.
67. Словарь языка Пушкина в 4 т. Т. 3. М., 1956. 806 с.
68. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.9. - Спб, 1903.236 с.
69. Стародумова Е.А. Русские частицы (письменная монологическая речь). Владивосток, 1996. 406 с.

70. Сумароков А. П. Полное собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/ (дата обращения 4.05.2025)
71. Третьяковский В. К. Собрание сочинений // Библиотека Мошкова [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/t/tredjakowskij_w_k/ (дата обращения 4.05.2025)
72. Успенский Б.А. Краткий очерк русского литературного языка (XI – XIX вв.). М, Гнозис, 19914.
73. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. 541 с.
74. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов.– 3-е изд. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
75. Шведова, Н. Ю. Русская грамматика: Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология [Текст] / Н. Ю. Шведова, Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др. – Москва: Наука, 1980. – 783 с.
76. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. -М, 1960. 377 с.
77. Яцюк Т.А. Омонимия частиц со словами других частей речи. Дисс. канд. филол. наук. Ташкент, 1978. 232 с.